

GAMEOVER

ЕКАТЕРИНА

ГАМОВА

GAMEOVER

Москва
2017

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Г18

Художественное оформление обложки и макет *Н. Никоновой*
Литературный редактор *В. Можайцев*

В оформлении обложки использованы фотографии:
© Elsa / Gettyimages.ru;
© Антон Новодережкин, Максим Туманов / Фото ИТАР-ТАСС.

Во внутреннем оформлении книги использованы фотографии
из личного архива автора, а также:

© KIRILL KUDRYAVTSEV / AFP / East News;
© Виталий Белоусов, Вячеслав Прокофьев / Фото ИТАР-ТАСС;
© Максим Богодвид, Илья Питалев, Владимир Песня, Роман Кручинин,
Григорий Сысоев / РИА Новости

Гамова, Екатерина Александровна.

Г18 Game Over. Волейбол продолжается / Екатерина Гамова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 256 с.

ISBN 978-5-699-98661-3

Екатерина Гамова — одна из величайших волейболисток в истории. В команду мастеров она попала в возрасте всего 14 лет, а вскоре уже дебютировала в сборной России. В активе Гамовой — победы на чемпионатах мира и Европы, а также две серебряные медали Олимпийских игр. Простое перечисление всех ее командных и индивидуальных достижений заняло бы площадь, существенно превышающую размер данной аннотации. В течение года после окончания карьеры волейболистка Екатерина Гамова успела побывать и телекомментатором, и тренером, и волейбольным чиновником. А еще — написала книгу. Причем книга эта — не только о спорте. Она повествует о богатстве и бедности. О любви и предательстве. О мгновениях счастья и муках разочарований.

И это очень искренний рассказ.

**УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-4**

© Гамова Е., 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-98661-3

ВВЕДЕНИЕ

Владимир Можайцев

Екатерина Гамова — несомненно, лучшая волейболистка XXI века. Но ее значение для мирового спорта этим не исчерпывается. Потому что Гамова — это не просто удачно сложившаяся комбинация уникальных физических данных, таланта и трудолюбия.

Это — целая эпоха.

И дело не в ее многочисленных достижениях — и персональных, и командных. Просто пока на площадке была Гамова, ее команды ассоциировались исключительно с борьбой за чемпионство. Начиная от детского чемпионата Челябинской области и заканчивая Олимпийскими играми.

При этом нет, пожалуй, в мировом волейболе игрока, которому судьба «недодала» бы столь много, как ей. Олимпийской чемпионкой Гамова, к сожалению, так и не стала. Притом что ее команды два раза уступали в финалах, ведя со счетом 2:0. А на еще одной Олимпиаде, в Лондоне, российская сборная упустила 6 матчболов в поединке против будущих чемпионок — бразильянок.

Екатерина Гамова

Я не знаю, смогла бы наша национальная команда выступить в Рио-2016 лучше, если бы в ее составе была Гамова. Но точно знаю, что своей фантастической карьерой и всем тем, что она сделала для российского волейбола, она этот шанс заслужила.

С главным европейским клубным турниром — Лигой чемпионов — у Гамовой тоже долгое время не складывалось. Четыре раза команды Екатерины доходили до финала — и каждый раз уступали на тай-брейке! Ну что за «остров невезения» такой...

Кто другой давно опустил бы руки. Ну вот не дается трофей — и ладно. А Гамова взяла и выиграла. С пятой попытки. Да так, что ни намека на шанс соперницам не оставила. Кто знает, может, пять Олимпийские игры стали бы для нее счастливыми?

Впрочем, как говорит сама Гамова, спортивная история не терпит сослагательного наклонения. И за это Екатерину хочется уважать еще больше. В ее карьере хватало судейских «убийств», тренерских ошибок, досадных травм. Но кивать на все эти обстоятельства она не любит. Хотя и не стесняется о них говорить.

В этом, кстати, тоже состоит уникальность Гамовой. Она не боится ничего и никого. Ни теней из прошлого, ни сильных мира сего в настоящем. В процессе совместной работы над этой книгой Екатерина честно переворачивала страницы своей жизни. Не стесняясь называть свои и чужие ошибки ошибками, а глупость — глупостью...

Гамова — это одновременно и сильный независимый человек, который не побоялся пойти наперекор системе, и хрупкая ранимая девушка, которая не всегда может сдержать слезы при воспоминаниях о той или иной несправедливости. Это и целеустремленный боец, впечатывающий мячи в площадку соперниц поверх блока, и веселая озорница, готовая облить тренера водой или замотать его машину серпантином.

Екатерина — она очень живая. Это, наверное, ключевое определение. Она никогда не пряталась за обезличенные формулировки вроде «we play with heart». А честно делилась со мной и с читателями своими страхами и эмоциями.

Эта книга получилась немножко похожей на саму Екатерину. Со своими недостатками, с рваной хронологией, с хаотично скачущими мыслями. Это не волейбольный учебник, это не подведение итогов и не перечисление титулов, это даже не автобиография в классическом понимании.

Это сама жизнь. В том виде, в каком она Гамовой запомнилась.

МАМА, МАМОЧКА, МАМУЛЯ...

Эта рана в моей душе не заживала очень долго, шрам останется на всю жизнь. Уход мамы в октябре 2005 г. стал шоком и настоящим испытанием для меня.

За несколько лет до этого ей при игре в баскетбол случайно попали пальцем в глаз. Он долго не проходил, слезился, а со временем стал немного выпирать. Я заставляла ее обратиться к врачу, но доктора давали разные заключения, не предполагая чего-то серьезного.

Последнее время я настаивала на посещении разных специалистов, чтобы все-таки выяснить причину проблемы и решить ее. В итоге мама позвонила мне и сказала, что ей нужно лечь в стационар, пройти ряд капельниц и лечение. Но из-за аппаратуры в отделении всех больных просят отключить телефоны на время лечения, на несколько дней. Уже в тот момент она знала о своей опухоли слезной железы — и не сказала мне, что ложится на операцию, берегла меня.

Она не хотела, чтобы мы с тетей — ее сестрой — переживали, и поэтому решила ничего не говорить, а рассказать обо всем уже после операции...

Прошла пара дней, но телефон мамы продолжал быть вне зоны доступа. Я ничего не подозревала, но начала беспокоиться. В какой больнице лежит мама, не знала. У медсестры отделения были знакомые в «Уралочке» — и она очень удивлялась, что к маме Екатерины Гамовой никто не приходит, не интересуется ее состоянием. В итоге меня нашли через десятые руки и сообщили, что мама в реанимации, после операции ее ввели в медицинскую кому.

Я позвонила тете Любке, мы связались с врачами. Наконец я узнала полную картину — но даже в тот момент мой мозг никак не принимал слово РАК. Я все равно продолжала думать, что ничего страшного, что все хорошо и вскоре маму выведут из этого состояния. Мы были на связи с врачами, состояние оставалось стабильным, но тяжелым. Доктора говорили, что мне не надо приезжать, потому что в реанимацию все равно не пустят. В то время я жила на «Соколе» и ездила на метро. Каждый день, когда возвращалась с тренировок, заходила в храм возле метро и просила Бога о мамином выздоровлении. Но в какой-то момент врачи мне сказали, что ее состояние ухудшилось...

Я перезвонила Зиничеву и сказала, что мне нужно срочно лететь в Екатеринбург. Зашла в метро — и тут до меня потихоньку стал доходить весь ужас ситуации. Я села на скамейку и начала плакать. Ко мне подошел какой-то молодой человек — стал меня

Екатерина Гамова

успокаивать, протянул свой платок и сказал, что все будет хорошо...

Я прилетела в Екатеринбург, мы встретились с Любой и утром отправились в госпиталь. Мне кажется, уже в этот момент тетя знала, что мамы больше нет, но не смогла мне об этом сказать. Руководство московского «Динамо» связалось со своими коллегами из ФСБ в Екатеринбурге и попросили помочь. С нами был человек, и на его машине мы поехали в больницу.

Я помню, как мы поднимались по лестнице в отделение, как зашли в кабинет к врачу и он сказал:

— Вы, наверное, уже знаете, что вашей мамы больше нет.

Я сидела и не понимала. Не могла принять, что это говорят про МОЮ МАМУ. В голове крутилось, что в такой ситуации я должна заплакать, а плакать не хотелось — мозг отказывался принимать эти слова, смысл до меня не доходил. И только когда потекли слезы, я поняла, что произошло... Что мамы больше нет, что больше я никогда ее не увижу, не услышу и не обниму...

Мы вернулись домой, ко мне приехали мои подруги из «Уралочки». Я им очень благодарна, что в тот момент они были рядом. Все звонили, что-то говорили — а я все еще не могла поверить. Я находилась у окна и увидела, что во дворе стоит Огиенко. До этого момента между нами сохранялся холод после

моего ухода из «Уралочки». Я попросила, чтобы она поднялась. Мы плакали, она пыталась объяснить, что ничего нельзя было изменить, что мама меня берегла и поэтому ничего не сказала.

А я говорила только о том, что можно было уехать в Москву, в Германию, в Израиль... Что если бы я знала, я никогда не разрешила бы маме делать такую операцию в Екатеринбурге и предприняла бы все возможное, чтобы вылечить ее, но мне не дали такого шанса.

В какой-то момент встал вопрос, что может затянуться процедура выдачи тела мамы. Люба настаивала на похоронах на третий день. Мне было уже все равно. Только прия немногого в себя, я поняла, почему Люба настаивала. Мамы не стало 13 октября, а 17-го у меня день рождения...

Валентина Витальевна включила все свои связи, за что я ей очень благодарна и никогда не забуду о ее помощи и поддержке в тот момент. И на следующий день мы уехали на похороны в Челябинск — две машины, легковая и «Газель» с надписью «груз 200».

Мы похоронили маму 15 октября. Я смотрела на незнакомую мне женщину в гробу и не находила никакого сходства с мамой. Все время ждала, что она зайдет в зал прощания и очень удивится всей этой церемонии, скажет, что это не она — и мы, счастливые, пойдем домой. Но нет. Помню ощущение холода, когда обнимала маму в последний раз...

Екатерина Гамова

Валентина Витальевна привезла на похороны всех девочек, которые знали и любили мою маму — тетю Ирочку, как они ее называли.

В здании ФСБ в Челябинске помогли организовать поминки, и я осталась в городе на девять дней. В клубе мне пошли навстречу, чтобы я пропустила тур и вернулась в Москву уже потом.

В день рождения ко мне неожиданно приехала Лена Василевская с супругом Игорешей. Мы никого не ждали — но это был как глоток воздуха, чтобы немного отвлечься. У Лены с моей мамой, кстати, дни рождения были в один день — 27 февраля.

Я все время ждала, что мама мне приснится, но это случилось всего один раз. Я увидела ее во сне с белыми, седыми волосами. Она выглядела грустной и ничего не говорила. Спустя несколько лет Насте Беликовой моя мама приснилась, когда у нее родилась дочка Лейла. Настя показывала ей своего ребенка и говорила:

— Тетя Ирочка, смотрите, у меня дочка родилась.

А мама улыбалась и отвечала ей:

— Я знаю.

Мама мне не снится, но я знаю, что она всегда рядом, она мой ангел-хранитель там, на небесах. Когда я приняла решение о завершении карьеры, то в ночь перед объявлением просила, чтобы она мне приснилась и сказала, что я все делаю правильно.

Проснувшись утром и поняв, что мама мне так и не приснилась, я начала нервничать и собираться

на телевидение. А потом, открыв календарь, увидела, что именно сегодня, 18 мая, именины у Ирины. Это был тот самый нужный для меня знак, чтобы больше ни секунды не сомневаться в правильности своего решения.

Я благодарна мамуле за свою жизнь, за то, что я появилась на свет — вопреки всему и несмотря ни на что.

ДЕТСТВО

В детстве я очень боялась темноты. Собственно, до сих пор не слишком комфортно чувствую себя в помещениях, где мало света. Одно из самых первых воспоминаний — поездка с моей двоюродной тетей в отпуск. Это была база отдыха в Челябинской области. Там вообще природа шикарная: много заповедников, есть куда поехать и «перезарядиться». Озера, леса, воздух чистый.

Мне было года два. Я и еще несколько детей жили в одной большой комнате. И когда выключался свет, тут же «включалась» я. Начинала рыдать. Но мои концерты всегда прерывал грозный голос из-за стеклени: «А ну-ка быстро рот закрыла, всех перебудишь!» И если дома я еще могла себе позволить «повоевать» подобным манером, устроить забастовку и еще плачать, то с тетей такие номера категорически не проходили. Мама очень удивлялась тому, как тетя умеет меня быстро успокаивать...

Вообще, чтобы в детстве вечером дойти из одной комнаты в другую, у меня была разработана целая

сложная система. Шла на ощупь от выключателя к выключателю. Ну а если хотела ночью в туалет — терпела до утра... Когда было совсем невмоготу — будила кого-нибудь, чтобы меня проводили.

Еще в детстве часто снился один и тот же страшный сон. Я от кого-то бегу, бегу и никак не могу убежать. Одна из вариаций этого сна — я еду на узком лифте. Он периодически останавливается на этажах, открывается, но снаружи угольная чернота, никаких ступенек или лестничных площадок. И я еду дальше — до тех пор, пока не просыпаюсь.

Ну а самое-самое первое мое воспоминание еще из яслей, куда меня отдали в возрасте восьми месяцев. Отлично вижу картинку: батут и большие окна...

Мама рассказывала: как-то воспитательница пришла в группу, а там все дети буквально стоят на ушах и ревут в голос. Сначала она даже не поняла, что произошло. А произошло вот что. Детишки все еще очень маленькие, а я уже тогда на их фоне выделялась ростом и имела возможность залезть на стол. Разумеется, я этой возможностью и воспользовалась. Получилась картинка маслом: все дети собрались вокруг и плачут. Им же завидно! А я, счастливая, довольная и гордая, лежу на этом столе, сучу ножками и балдею. Год мне был тогда примерно, не больше.

В детском саду с девчонками не водилась, а всегда дружила с мальчиками. С ними как-то интереснее